

**СИНТАКСИС ЯЗЫКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА
СПОСОБА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Анализируются особенности русского способа деятельности в контексте их связи с особенностями синтаксиса русского языка. В исследовании делается упор на такие характеристики деятельности, как коллективность и интуитивность: анализируются показатели этих аспектов и мера их укорененности.

Согласно гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа, именно язык, его система, предписывает нам определенную систематизацию и клас-

сификацию материала, поступающего из внешнего мира; следовательно, люди, говорящие на разных языках, по-иному анализируют окружающую действи-

тельность, и причины этого лежат в самой природе, структуре и способе функционирования их языков. Проверкой правильности их предположения может послужить исследование грамматики конкретного языка с точки зрения того, как она может воздействовать на национальное мировосприятие. Разумеется, в данной статье эта задача не может быть решена в таком объеме¹ — ограничимся только анализом взаимосвязи русского языка с некоторыми особенностями организации нашей деятельности, ибо именно деятельность является одной из значимых характеристик социального бытия человека.

Синтаксис естественного языка — это не просто особый случай формальной организации знаков в имеющие различные структуры модели. Он также кодирует определенный способ осмысления мира и, усваивая его, человек таким способом (разумеется, не единственным) приобщается к национальному миропониманию. Обратимся к формам организации языка. Поскольку единицей высказывания в языке является предложение, то и исследовать необходимо нечто, связанное с предложением как смысловой единицей.

В качестве первой характеристики предложения является способ организации в нем слов. В русском языке отсутствует жестко заданная схема расположения различных частей речи в предложении (как, например, в английском) — порядок слов в русском языке достаточно свободный и определяется он часто характером высказывания (целью, информационной задачей). Что может продуцировать отсутствие жесткого порядка расположения членов предложения? В одной из своих работ² автор данной статьи обрисовала связанную с этой языковой особенностью характерную для нас картину мира, а именно: видение

его как нелогичного, бесструктурного и, следовательно, неспросчитываемого образования.

Описывались две стратегии действия при такой картине мира. Первая — это достаточно специфичная форма организации деятельности (зафиксированная в оборотах «на всякий случай», «в случае чего» и «если что»): желая как-то обезопасить себя в непредсказуемом мире, человек начинает предпринимать меры предосторожности, которые никак не диктуются трезвым расчетом и ориентированы на то, что произойти может все что угодно. Другая стратегия поведения — это ориентация на беспечность: поскольку всего все равно не предусмотреть, нет никакого смысла в том, чтобы пытаться как-то защититься от возможных неприятностей, а лучше просто надеяться на благоприятный исход событий (такой подход отражен в слове «авось»). Данный способ деятельности (являющийся, по сути, ее оборотной стороной — бездеятельностью) представлен не только «авосем», но и более общей установкой, весьма характерной для нашего менталитета и отраженной словом «лень».

Достаточно большое количество слов в русском языке на тему лени говорит о значимости ее в структуре нашего менталитета. Мы употребляем такие слова, как «лень» (в качестве существительного и предикативного наречия), «ленца», «лентяй», «лодырь», «лоботряс», «ленивый», «лениво», «ленивец», «полениться», «разлениться», «неохота», весьма выразительное междометие «да ну!»; кроме того, идея лени может выражаться в русском языке посредством специфической словообразовательной модели, образующей особые, «ленивые» глаголы — «попивать», «поживать», «посиживать», «полеживать» и пр.³

Было бы неверно утверждать, что лень — сугубо отрицательное качество. Разумеется, оно имеет негативные стороны, что нашло свое отражение и в языке: так, «лоботряс», «лентяй», «лодырь» являются явно отрицательными определениями. Однако наряду с отрицательными лень имеет и свои положительные стороны — некоторые слова, содержащие идею лени, выражают симпатию, граничащую с нежностью (например, «ленивец»). Из пословиц видно, что лень оценивается отрицательно в основном потому, что ленивый человек некооперативен: отлынивая от работы, он перекладывает ее на других. Лень же как таковая не вызывает особого раздражения, воспринимаясь как понятная и простительная слабость, а иной раз и как повод для легкой зависти («Ленивому всегда праздник»).

Что же собственно позитивного есть в лени? На самом деле, ее можно рассматривать как своего рода нежелание совершать бессмысленные действия, тратить силы впустую — то, что в слове «лень» на первом месте стоит именно экономия усилий, отчетливо видно при его сравнении со словом «неохота». В последнем делается упор на предпочтении, поэтому в ситуациях, описывающих именно экономию усилий, «лень» не может быть заменена на «неохота» (например, в высказывании «Вообще-то я хочу туда поехать, но ужасно лень» замена на «неохота» не может быть произведена, ибо «хочу» выступило бы в этом случае антонимом к «неохота» и превратило бы высказывание в бессмысленное).

Лень помогает отрешиться от житейской суеты («Приди, о Лень! Приди в мою пустыню. / Тебя зовут прохлада и покой» — *А. С. Пушкин*, «Сон»), отринуть соблазны богатства и карьеры («Философы ленивцы, враги придвор-

ных уз» — *К. Батюшков*, «Мои пенаты»). Связь лени и поэтического вдохновения, творчества отмечали поэтические натуры золотого века (*В. Ходасевич* писал о Дельвиге в одноименном произведении: «Учился он плохо и кончил двадцать восьмым из числа двадцати девяти. Его занимала одна поэзия, но и тут он отчасти ленился»). На поэтическом языке той поры слово «лень» означало наслаждение внешним бездействием при сосредоточенной деятельности чувств. Из этой лени рождались поэтические мечтания, эпитет «вдохновенная» подходит к ней как нельзя более... У Дельвига она имела оттенок более физиологический: ... (он) часто впадал не только в поэтический тонкий сон, но в самый обыкновенный, прозаический, с храпом». В данном описании негативная характеристика дана герою не потому, что он ленился, а потому, что предавался не тому виду лени). Таким образом, лень, удерживая человека от совершения бессмысленных действий, позволяет направить свои силы в другое русло — в творчество. Впрочем, и в мире науки чрезмерное накопление информации тоже имеет негативную сторону, ибо множество чужих мыслей и идей не дает пробиться своим, закрывает простор для творчества.

Итак, лень в качестве присущей русскому менталитету специфике отношения к деятельности не является сугубо отрицательной характеристикой, помогая человеку не растрачивать силы на соблазны, избегать ненужной суеты, бессмысленных дел; желание человека всегда натывается на его же нежелание совершать усилие, и результат борьбы зависит от соотношения сил желания и тенденции к экономии усилий.

Такая позиция по отношению к деятельности соотносится с отсутствием жесткого порядка расположения членов

предложения, так как деятельность является организующей и структурирующей процедурой, а отсутствие жесткого порядка расположения членов предложения предрасполагает к неприятию того, что выступает в качестве внешней организующей силы. Впрочем, если деятельность выступает в своей иной ипостаси — например, как коллективный труд (точнее, если на первый план для человека выходит эта характеристика), то установка русского человека может разительно измениться — об этом речь пойдет далее.

Другая специфика русской грамматики — достаточно разветвленный, сложный вид согласования. Сравним, например, с английским языком. В нем при определении значения слова во внимание принимается в основном расположение этого слова — то есть порядок слов в предложении определяет, будет ли слово существительным, глаголом или прилагательным. В русском слова связаны друг с другом не грамматической конструкцией, а согласуются по родам, падежам и числам, что позволяет менять расположение слов в предложении каким угодно образом, не изменяя смысла высказывания — связи между словами легко обнаруживаются через имеющиеся согласования. Однако простое перечисление существующих в русском языке видов согласования (по родам, числам и падежам) не описывает всю сложность в этом отношении нашей грамматики по сравнению с европейскими языками. Например, категория числа существует и в русском, и в английском, и во французском, и в немецком. Однако в этих языках она выражается только каким-то одним способом (в английском и немецком — внутренней флексией, во французском — супплетивизмом), в то время как в русском — тремя различными способами (оконча-

ниями, ударением, супплетивизмом)⁴. Все это заставляет подходить к каждому слову индивидуально (то есть это может служить предпосылкой для формирования определенной гибкости в подходе к действительности).

Как представляется, именно столь сложный вид согласования в языке (род, число, падеж плюс разнообразные способы их выражения) продуцирует и сложный способ психологического и общественного согласования, то есть сложная структура взаимосвязей и влияний друг на друга различных частей речи в русском предложении, внедрившись на уровень бессознательного, оказывает непосредственное влияние на специфику формирования межличностных отношений, которая отличается высоким уровнем дифференцированности. Указанные особенности русского согласования, усваиваемые носителем языка, в сфере деятельности создают основу для развития особых форм групповой кооперации. Например, в сельской местности в сложных для семьи видах труда принято работать «толокой» — когда договариваются и сообща работают 8-10 односельчан. Этнографы отмечают важность и распространенность такого вида организации деятельности — в исследовании М. М. Громыко⁵ указывается, что в русской деревне существенная роль отводится «помочам». Это сложный, состоящий из многих разнородных элементов — хозяйственно-трудового, бытового, фольклорного, ритуального характера — «обычай, в центре которого — совместный неоплачиваемый труд крестьян для аккордного завершения какого-либо срочного этапа работ у отдельного хозяина»⁶. Громыко указывает, что в XIX веке помочи были распространены по всей России и применялись для многих видов работ: жатвы (дожинки), сенокоса, строительства новых изб,

перевозки леса, заготовки квашенной капусты (капустки) и т. п. Помочи «представляли собой вполне законченный и цельный обряд, выделяемый в сознании этноса в самостоятельное явление», в котором отражались следующие элементы русского характера и русской ментальности: 1) коллективистские ценности русской культуры (в том числе значимость общины («мира») как основы и предпосылки существования человека)⁷; 2) присущие нашему этносу нравственные нормы: а) норма милосердия — «совершенно безвозмездные (т. е. без непременно угощения) помочи общины отдельному члену ее при особенно неблагоприятных для него обстоятельствах (пожар, болезнь, вдовство, сиротство, падеж лошади) были по крестьянским этическим нормам обязательными»⁸; б) норма равенства, проявляющаяся в поочередных помочах, «которые производятся последовательно у всех участников»⁹.

Безусловно, это далеко не единственные примеры нормированного коллективизма, взаимопомощи, заботы друг о друге людей, не являющихся ни родственниками, ни друзьями. Думается, что воспроизводство такой формы взаимопомощи, взаимодействия людей обеспечивается не только обычаем, ибо сам этот обычай формировался на основе, почву для которой на бессознательном уровне подготовила русская грамматика, в данном случае — характерный для русского языка сложный тип согласования.

Если версия верна и такой способ деятельности может быть также связан со структурой предложения, то мы должны найти значимые отличия в соответствующем подходе носителей русского и, например, английского языков. В качестве объекта обратимся к телевидению — к популярным сериалам как к форме, хорошо фиксирующей и отра-

жающей в том числе и особенности национального характера. Существует ощутимая разница в показе интересующей нас сферы. Например, для западных сериалов характерной темой является изображение героя-одиночки (action hero), причем, в отличие от обычного кино, где героем-одиночкой может стать практически кто угодно, в сериалах (особенно западных) это обычно человек, связанный с охраной правопорядка (истории о лейтенанте Коломбо, о частном детективе Нэше и др.). У нас такая линия тоже прослеживается — «Досье детектива Дубровского», «Агент национальной безопасности», «Каменская», однако активно (и гораздо более успешно) разрабатывается коллективный герой. Наибольший зрительский успех получили именно такие попытки — проект С. Рогожкина «Особенности национальной охоты» с их продолжениями; «ДМБ», представляющий линию фильмов об армии¹⁰. «Улицы разбитых фонарей» («Менты») — самый характерный и самый, пожалуй, успешный в этом ряду проект (удачно найденный фокус показа подтверждает и появление сериала «Убойная сила», где также показывается коллектив сотрудников милиции).

В чем разница наших и западных сериалов с коллективными героями? Поскольку всеобъемлющий и многоплановый анализ — не задача данной работы, то очертим лишь основное, что кажется значимым. Наиболее популярный из показываемых у нас сериалов с героем-коллективом — это американская «Скорая помощь». С нашими «ментами» их «врачей» объединяет благородство работы, увлеченность ею и неформальное к ней отношение главных героев. Однако есть разница. Чтобы ее четче проанализировать, обратимся к работам М. Фуко. Он выделяет три составные части индивидуализма¹¹: во-первых, это

индивидуалистическая позиция — индивидуалистический подход к жизни, когда отдельной личности во всей ее уникальности приписывается абсолютная ценность и особенно подчеркивается аспект противостояния личности той первичной группе, к которой она принадлежит, или институтам, от которых она зависит; во-вторых, это положительная оценка частной жизни, большое значение, придаваемое семейным отношениям, формам домашней деятельности и сфере родственных интересов; в-третьих, этим термином схватывается определенная интенсификация отношения к собственной личности, то есть развитие и совершенствование тех способов, с помощью которых отдельный человек делает себя объектом познания или воздействия так, чтобы, например, изменить, исправить или очистить себя¹². Сравним оба сериала по указанным трем критериям.

Первый критерий — индивидуалистическая позиция, в которой соединены неповторимость и ценность индивида с его независимостью от группы, к которой он принадлежит. В нашем сериале, конечно, определенная неповторимость, обязательная для такой позиции, прослеживается — у каждого героя свое амплуа (например, образ простака-мужика воплощает Дукалис, мужицкую хозяйственность и основательность, а также специфический сорт некоей недалекости — Мухомор и т. д.). Однако противостояние как своей группе, так и институтам, от которых герои зависят, отсутствует (даже возможное противостояние начальству в фильме отсутствует — к Мухомору все герои относятся по-доброму). Наоборот, постоянно проводится линия группового единства — через показ специфически русской основы сплочения мужского сообщества (регулярно воспроизводится ситуация

«сбросились, посидели»); практически в каждой серии герои сидят на планерке у Мухомора и тот их распекает именно как единую группу; кроме того, постоянно показывается процесс группового мышления. В сериале «Скорая помощь» мы не наблюдаем ничего подобного — ни процесса группового мышления, ни регулярного объединения перед «лицом начальствующим», ни регулярного совместного распития напитков (хотя совместное отмечание, например, дней рождения и показывается, однако это не такие регулярные действия, как «ментовские» посиделки). В то же время достаточно проявлено противостояние героев как начальству (мелкие стычки с Кэрри Уивер, с руководством больницы и т. п.), проявление своей позиции вне зависимости от мнения товарищей и руководства — то есть противостояние им (наиболее часто это поведение демонстрировал Даг Росс, однако поступки такого типа встречаются и у других персонажей). Иными словами, по этому критерию мы можем констатировать наличие индивидуалистической позиции у героев «Скорой помощи» и ее отсутствие у «ментов».

Второй критерий — наличие частной жизни героев. В нашем сериале практически отсутствует индивидуализация героя средствами показа его личной жизни: если в первых сериях «Ментов» мы изредка наблюдали за реакцией супруги Ларина на его работу, то затем было сказано о его разводе, и после этого личная жизнь героев никак не прочерчивалась в фильмах — нет ни частной жизни в целом, ни, в частности, семейных отношений, форм домашней деятельности или действий, связанных с родственными интересами. В «Скорой помощи» совсем другая картина — личная жизнь по всем указанным критериям в сериале выступает объектом показа не

меньше, чем работа. Поскольку место действия сериала задано названием, то соответственно активность героев вне стен больницы нам дают возможность проследить лишь косвенно. На работе они обсуждают удачные походы в самые разные места, новые знакомства (иногда эти знакомые им звонят на работу или даже приходят), поездки в отпуск и т. п. Наибольшую же активность в этой сфере мы можем видеть именно на рабочем месте персонажей — именно здесь они флиртуют, влюбляются, начинают жить вместе, расстаются друг с другом. В наших «Ментах» ничего такого нет в принципе, хотя в коллективе присутствует девушка — в сериале индивидуальность персонажей прописывается не за счет их личной жизни, а через специфику выполнения работы. Семейная жизнь в американском сериале также достаточно разработана — зрителю показывают трудности в этой сфере у докторов — мы видим развод с женой у Грина, сложности с ребенком у Бентона и т. п.; родственные отношения у героев также достаточно проявлены — например, зрители наблюдают, как Даг Росс уезжает на место смерти отца за оставшимися от него вещами и рассказывает доктору Грину историю их непростых отношений с родителем; знакомятся с богатым семейным кланом Картера и следят за перипетиями, происходящими с его братом-наркоманом; наблюдают приход психически нездоровой матери одной из больничных сестер, ее длительное общение с персоналом (на протяжении серии!) и слышат историю данного семейства — примеры можно продолжить. Все это позволяет сделать вывод о четком различии нашего и американского сериалов по сформулированным Фуко критериям индивидуализма — в американском в наличии все пункты, указан-

ные Фуко в качестве значимых, в нашем — ни одного.

Третий критерий, по сути, — совершенствование себя. В «Скорой помощи» самосовершенствование выступает в форме повышения профессионального уровня — сестра Хетуэй начинает по вечерам ходить на курсы, чтобы стать доктором; Картер и Бэнтон начинают заниматься детской хирургией, Картер меняет специализацию с хирургии на терапию; герои показываются на конференциях, в том числе и делающими доклады — примеры, относящиеся к повышению профессионального уровня, весьма многочисленны. В наших же «Улицах ...» мы не наблюдаем ничего подобного — где надо герои уже отучились, и теперь просто работают. Таким образом, и по третьему критерию оба сериала расходятся.

Вывод: американский сериал, несмотря на кажущуюся сфокусированность на работе коллектива, тем не менее демонстрирует не коллективные, а индивидуалистические нормы и приоритеты, в то время как в нашем сериале представлены лишь коллективные ценности, индивидуалистические же совершенно не проявлены.

Обусловленные структурой феномены имеют также поддержку в словарном составе языка. Например, специфика деятельности, для которой характерна идея работы сообща, собравшись всем миром, нашла свое воплощение в идее собрания¹³. Так, целый ряд русских языковых выражений отражает общее представление о жизни, в соответствии с которым активная деятельность возможна только при условии предварительного сосредоточения всех (или каких-либо определенных) ресурсов в одном месте, собрания их воедино, то есть при мобилизации и концентрации их. В значении слова «собираться» есть

элемент процессности (напр.: «собираюсь позвонить»). Это логично, ибо собирание некоторого числа людей вместе — это всегда не одномоментный процесс (да и совместный труд — тоже растянутое во времени действие). Причем собирание — наиболее важный момент действия, который может представлять все действие в целом (форма несовершенного вида «собираться» иногда фактически используется в значении «сделать»: «не собрался» означает «собирался, но не сделал»), то есть если уж народ собрался, то можно считать, что дело будет сделано. Идея собирания заключена и в значимых категориях — кафедральный храм у нас называется собор (впрочем, аналогии здесь вполне понятны — в нем ведь действительно все собираются), термин «кафолический» в «Символе Веры» передается как «соборный», да и сам русский характер, его сущностная составляющая была осмыслена Вл. Соловьевым именно как «соборность».

С описываемой особенностью языка связана еще одна специфика русской деятельности. *Сложный вид согласования слов друг с другом, внедряясь в бессознательное, формирует на психологическом уровне привычку приравниваться к окружающим; однако успешные действия требуют хорошего знания людей, понимания их интересов, мотивов поступков и т. п. — то есть с необходимостью ведут к развитию эмпатии. Причем эмпатия распространяется не только на людское окружение — она относится ко всему миру в целом (разве что обычно говорят не об эмпатическом отношении к миру, а об интуиции).*

Говоря об особенностях организации действия, обусловленных отсутствием жестко определенного порядка расположения членов предложения, мы указывали ряд качеств — это в том числе странные, нерациональные действия и

лень. Сами по себе обе такие стратегии могут вызвать большие сомнения в своей эффективности, однако сложный вид согласования создает базу для формирования некоторой психологической способности, которая переводит эти стратегии на качественно другой, высокий уровень, а именно: снабженные интуицией указанные стратегии поведения становятся весьма успешными.

Интуиция, с одной стороны, является продолжением эмпатии, но если эмпатия — это умение настроиться и почувствовать состояние, настроение другого, то в случае с интуицией — это умение следующего, более высокого уровня: человек настраивается и чувствует мир. С другой стороны, интуиция может служить характеристикой мыслительных процессов — ранее речь шла о том, что, с точки зрения русского восприятия, мир — бесструктурное образование, в котором может случиться все что угодно. Следовательно, логические умозаключения в таком мире бессмысленны, ибо предсказать все равно ничего невозможно; чтобы успешно действовать в окружающем мире, надо найти другое основание мыслительной деятельности. Таким основанием и является интуиция.

Исследованию интуиции как специфического, непосредственного способа постижения реальности (или, по выражению Н. О. Лосского, «созерцания предмета в подлиннике»¹⁴) была посвящена не одна философская работа, однако больше всех интуицией занимались именно русские философы (и это, очевидно, не случайно, а связано непосредственно со сложным типом согласования в русском языке). Безусловно, русское исследование данного способа постижения реальности не возникло в пустоте — проследить истоки можно вплоть до античной философии. Однако хотя осмысление интуиции русскими

философами опиралось на уже имеющуюся традицию (как философскую, так и религиозную), но отличает наших мыслителей то, что среди предшественников последовательно занимались интуицией как способом постижения реальности только отдельные ученые, в то время как в русской философии такое явление было, если так можно выразиться, массовым.

В рамках самой русской философии зародыши учения об интуитивном знании как непосредственном постижении самой действительности восходят к славянофилам И. Киреевскому и А. Хомякову¹⁵; систематически же оно было разработано в философии Вл. Соловьева, который построил сложное учение об истине как результате не столько эмпирического и рационального, сколько интуитивного и мистического (вводящего в сферу самой транссубъективной реальности) познания. Эмпирический мир Соловьев (вслед за Кантом и Шопенгауэром) считает только явлением, различая, как и Кант, явление и вещь в себе («сущее») и указывая, что чисто рациональному познанию это «сущее» недоступно. Однако непостижимое для разума сущее может быть предметом мистического созерцания, особым образом понятой интеллектуальной интуиции, которую философ отождествляет также с состоянием вдохновения. Именно посредством такой интуиции во вдохновении открываются вечные истины, или идеи; такое состояние есть начало философского познания, оказывающегося родственным не только искусству, но и мистическому духовидению¹⁶.

Своеобразная форма интуитивизма была развита В. Франком. Отвергая механицизм и отвлеченный рационализм, он утверждает в качестве подлинной и первоначальной реальности жизнь как непосредственно данную целостность, сущность которой может быть постиг-

нута только с помощью интуиции, без всяких опосредований проникающей в предмет, сливаясь с его индивидуальной природой. Франк утверждает несомненный приоритет бытия по отношению к знанию и сознанию, металогичность бытия и непосредственную открытость его сознанию (последнее и составляет метафизические условия возможности интуиции)¹⁷. Как способ познания мира рассматривает интуицию и Н. О. Лосский. Свою концепцию философ назвал интуитивизмом, или идеал-реализмом, развернув как теорию непосредственного созерцания познающим субъектом самой реальности, от субъекта независимой. Лосский различает виды интуиции — чувственная, интеллектуальная и мистическая¹⁸. О всеединстве мира и интуиции как способе его постижения говорит кн. С. Н. Трубецкой. В своем осмыслении этих тем он связывает, как и Вл. Соловьев, всеединство с соборностью¹⁹, а интуитивный способ познания реальности у него воплощен в идее о всеобщей чувственности как основе для любого типа познания²⁰. О всеединстве и интуиции как наиболее адекватном способе познания мира говорил и брат С. Н. Трубецкого — философ Е. Н. Трубецкой: «...акт всеединой мысли и всеединого сознания не есть психологический процесс во времени: всеединая мысль есть интуитивная, а не рефлектирующая»²¹.

Таким образом, у русских философов интуитивное познание является познанием более высокого уровня — оно позволяет понять истинные связи между предметами, причины явлений, глубинную суть сущего, в отличие от познания, основанного на логике. Поэтому в работах русских философов упор в осмыслении мира делается не на логику (ибо базу для такого подхода дает жесткая структура организации слов в пред-

ложении, отсутствующая в нашем языке), а на постижение через вчувствование, через настройку на него (основа для такого подхода создается сложным типом согласований в русской грамматике). Можно предположить, что если человек подчиняет всю свою деятельность рассчитанному кем-то согласно логике процесса графику (или он планирует ее сам, что в данном случае не имеет значения), то, не представляя все возможности, которые постоянно возникают (и которые могут открыть дорогу к новому способу работы, к новым партнерам, к лучшим ресурсам и пр.), он эти возможности утрачивает. Если же человек руководствуется интуицией, то он может, настроившись на мир и почувствовав, что именно в данный момент необходимо делать, совершить свое дело наиболее удачным для себя способом. Русская структура предложения предрасполагает именно к такому способу взаимодействия с миром.

* * *

Итак, сложный вид согласований в русском языке является основой для формирования специфического русского способа деятельности, акцентирующими моментами в котором будут «коллективность» и «интуитивность». В том, что коллективность — не просто одна из возможных форм трудовой деятельности, а для русских является психологически приоритетной, нас убеждает наличие нормативной кол-

лективной безвозмездной взаимопомощи при выполнении целого ряда работ, с которыми одной семье справиться не под силу. В этом же ключе можно трактовать и лексические примеры, показывающие, что важнейшей частью деятельности является именно «собрание», то есть коллективистское начало. (Кроме того, как мы убедились, есть существенная разница в специфике коллективного труда у носителей языка с жесткой и со свободной структурой расположения членов предложения. Анализ показал, что, несмотря на внешнюю коллективность, в первом случае преобладают индивидуалистические ценности, тогда как во втором случае приоритет отдается коллективному). Одно из условий того, что коллективный труд будет плодотворным, — это взаимонастроенность его участников, что в нашем случае обеспечивается эмпатией; с одной стороны, ее наличие является гарантией успешного сплочения работающих вместе; с другой стороны, высоко развитая эмпатия — это интуиция (усилению которой способствует также лень, создающая просвет между индивидом и трудовой деятельностью; данный просвет и становится свободным полем для разворачивания интуитивных озарений). Внесение же интуиции в трудовой процесс позволяет максимально оптимизировать деятельность (чего порой не достигнуть логическими средствами).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это сделано в кн.: Мельникова А. А. Язык и национальный характер: взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб., 2003.

² Мельникова А. А. Национальное мировидение и структура языка: философско-антропологический анализ // Известия РГПУ. 2003. № 3(5).

³ При описании специфики лени мы опираемся на соответствующую статью И. Б. Левонтиной из: Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б., Урысон Е. В., Гловинская М. Я.,

Крылова Т. В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под общим руковод. Ю. Д. Апресяна. М., 1997.

⁴ *Вендина Т. И.* Введение в языкознание. М., 2001. С. 230.

⁵ *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

⁶ Там же. С. 33.

⁷ *Бороноев А. О., Смирнов П. И.* Русские и судьба России (опыт этнопсихологического исследования) / Введение в этническую психологию / Под ред. Ю. П. Платонова. СПб., 1995. С. 170–177.

⁸ *Громыко М. М.* Указ. изд. С. 60.

⁹ Там же. С. 63.

¹⁰ О специфике этого фильма можно прочитать, например, в статье: *Ситковский Г.* Военная тайна невидимого сулика // Искусство кино. 2000. № 7.

¹¹ *Foucault M.* Histoire de la sexualite. Vol. 3: Le Souci de soi. Paris, Gallimard, 1984.

¹² Там же. С. 56.

¹³ *Зализняк А. А., Левонтина И. Б.* Отражение национального характера в лексике русского языка // Russian Linguistics. 1996. Vol. 20; *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Русское «заодно» как выражение жизненной позиции // Русская речь. 1996. № 2.

¹⁴ *Лосский Н. О.* Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995. С. 150.

¹⁵ *Радлов Э.* Теория знания славянофилов // Журнал министерства народного просвещения. 1916, февраль.

¹⁶ *Соловьев В. С.* Критика отвлеченных начал / Собр. соч.: В 8 т. СПб., б. г.. Т. II. С. 294.

¹⁷ *Франк С. Л.* Непостижимое / Сочинения. М., 1990. С. 229.

¹⁸ *Лосский Н. О.* Указ. изд. С. 62.

¹⁹ *Трубецкой С. Н.* О природе человеческого сознания / *Трубецкой С. Н.* Собр. соч. Т. II. М., 1908. С. 13.

²⁰ Там же. С. 83.

²¹ Там же. С. 42.

A. Melnikova

LANGUAGE STRUCTURE AND NATIONAL FEATURES OF ACTIVITIES: A PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS

Features of the Russian way of activities are analysed in the context of their relations with the syntax of the Russian language. That investigation is focused on such characteristics as collectivity and intuitionism, indicators of these aspects and the extent of their diffusion.